

С. В. Никоненко
«ВИТГЕНШТЕЙН В РОССИИ»
ИЛИ «РУССКИЙ ВИТГЕНШТЕЙН»?

Антология «Людвиг Витгенштейн. Pro et contra» посвящена жизни и философскому творчеству Людвиг Витгенштейна (1889–1951) — одного из самых великих философов XX века — в интерпретации отечественных авторов.

Жизнь Витгенштейна была то яркой и полной событиями, то тихой, размеренной и почти никому неизвестной. Выходец из очень богатой еврейской семьи, Витгенштейн тяготился своим происхождением и, в конце концов, отказался от наследства в пользу семьи. Поистине правы те биографы, которые считают, что Витгенштейн часто сам направлял свою судьбу, пускаясь порой в сомнительные, но всегда оправданные для самого себя предприятия. С началом Первой мировой войны Витгенштейн вступил в армию добровольцем и добился отправки на фронт. Война против русских не мешала ему зачитываться Толстым и Достоевским прямо в окопах. Вероятно, именно тогда в душе Витгенштейна зародилась странная и противоречивая любовь Витгенштейна к загадочной стране, лежащей и по ту сторону фронта, и по ту сторону «цивилизованного» мира. Попав в итальянский плен, Витгенштейн отнесся к этому философски и посвятил это время написанию «Логико-философского трактата». И во Вторую мировую войну Витгенштейн посчитал необходимым быть полезным своей стране, устроившись работать «аптечным носильщиком» в военный госпиталь.

Несколько лет Витгенштейн проработал учителем в сельских альпийских школах Австрии, ревностно выполняя свой скромный долг, снискав любовь учеников, но ненависть начальства. Затем, вернувшись в Вену, Витгенштейн раскрыл себя как художественную натуру. Он участвовал в проектировании дома своей сестры Маргарет, построенным П. Энгельманом, другом

Витгенштейна, в стиле конструктивизма. В то же самое время Витгенштейн работал в мастерской скульптора М. Дробиля и слепил несколько бюстов.

После недолгого, но тесного общения с представителями Венского кружка, Витгенштейн разочаровался в родной Австрии и переехал в 1929 г. в Кембридж. Последующая жизнь Витгенштейна протекала, в основном, в тихом и спокойном университетском городе. Витгенштейн натурализовался в Англии, приняв британское подданство. Подобный факт позволил авторам «Оксфордского словаря философии» определить Витгенштейна как «британского философа австрийского происхождения». Став англичанином по паспорту, Витгенштейн в своей внутренней жизни остался человеком, зачастую чувствующим себя чужим повсюду, наподобие «лишних» людей русской классической литературы, которую он очень любил. Витгенштейна порой охватывала «охота к перемене мест». Он испытывал желание покинуть Вену и Кембридж, отправиться в Альпы, Норвегию, Россию...

Опубликованные дневники и заметки Витгенштейна показывают, что он постоянно ставил перед собой мировые, экзистенциальные вопросы. Он постоянно искал себя и свой путь. Такая внутренняя жизнь не могла не проходить в атмосфере постоянной нервозности, среди всплесков сомнения, жажды смирения, неуверенности в себе вплоть до развития комплекса неполноценности и чувства вины. Напрасно упрекать Витгенштейна в том, что он при жизни опубликовал только «Логико-философский трактат»¹ да одну педагогическую работу. Это было твердое решение автора, его личный выбор — не печатать ничего из того, в чем он не считал себя уверенным. Витгенштейн считал себя человеком долга и ответственности, подходя порой чрезмерно строго к самому себе и вовсе не считая себя гениальным. Поэтому лишь студенты и друзья знали, кто такой «поздний» Витгенштейн до посмертного опубликования его сочинений.

Кто был Витгенштейн как преподаватель? Когда в 1929 г. Витгенштейн приехал в Кембридж, он был уже признанной знаменитостью. Это хорошо знали и студенты; для многих из них посещение лекций Витгенштейна стало заметным событием. Витгенштейн обычно сидел в центре аудитории на простом деревянном стуле. Отлично говоря по-английски (уже в 1922 г. Витгенштейн сам перевел свой «Трактат» на английский язык), Витгенштейн порой вкраплял в свою речь германизмы². Он

¹ 1921 — немецкое издание; 1922 — английское издание.

² Свои сочинения и заметки Витгенштейн писал на немецком языке.

добивался строгости, отчетливости своих мыслей³. При этом он постоянно генерировал вопросы и тут же предлагал версии их решения. Порой, запутавшись, Витгенштейн не стеснялся признаться перед студентами в своей «глупости».

Мифы и легенды окружали взаимоотношения Витгенштейна не только со студентами, но и с коллегами, чему часто виной был нервический темперамент самого Витгенштейна. Когда в 1912 г. Витгенштейн приехал к Расселу, он произвел на него неоднозначное впечатление. При всей своей пронизательности, Рассел не сразу разглядел в молодом человеке незаурядный талант. Познакомившись примерно в то же время с Муром, Витгенштейн пригласил его в 1914 г. «к себе» в Норвегию, где диктовал ему заметки. Отношения с Расселом и Муром, которых он считал своими учителями и которые, можно сказать, дали первые рекомендации Витгенштейну как талантливому логик (в частности, Рассел написал Введение к «Логико-философскому трактату», что, несомненно, привлекло гораздо большее внимание читателей к произведению), складывались неровно. Периоды дружбы и тесного общения перемежались периодами отчуждения и даже разрыва. Дружба-вражда в Муром вылилась в полемику на страницах работы «О достоверности». В этом сочинении мы имеем дело не только с Муром как с философом, но и с «образом Мура» как убежденного носителя здравого смысла, верящего в факты и ценности науки, что порой приводит к ошибкам и курьезным ситуациям. Не стоит забывать, что Рассел, Мур и другие друзья Витгенштейна не были пассивными реципиентами его идей. Восхищаясь гениальностью, Рассел, Мур, Рамсей, Карнап, фон Бригт и другие знакомые Витгенштейна, как правило, не соглашались с теоретическими идеями его «поздней» философии, иногда выражая свое несогласие в печати. Это не могло не угнетать впечатлительного Витгенштейна, не могло не укреплять его в решимости ничего не публиковать.

После смерти Витгенштейна было опубликовано его наследие: главный труд «позднего» периода — «Философские исследования», а также работы под разными (порой условными) названиями: «О достоверности», «Голубая книга», «Коричневая книга», а также целый ряд заметок, лекций и дневников. Значительную роль в публикации наследия философа, написании воспоминаний сыграли его ученики и друзья: Н. Мальколм, В. фон Бригт,

³ Стиль «логико-философского трактата» Витгенштейна — краткие, строгие и пронумерованные афоризмы. В «поздних» сочинениях Витгенштейн следует той же манере, правда, афоризмы становятся довольно пространственными.

У. Бартли, Ф. Паскаль и др. 1953 год — год публикации первых поздних трудов Витгенштейна — неофициально считается годом зарождения «витгенштейнианства», или «лингвистической философии», когда на первый план выдвинулась задача комментирования трудов Витгенштейна и развития идей философии обыденного языка.

* * *

Читатели Антологии смогут получить полное и всестороннее представление обо всех аспектах философии Л. Витгенштейна. В настоящий момент в отечественной литературе довольно подробно прокомментированы все сочинения философа: положения «Логико-философского трактата», «Философских исследований» и других сочинений. В настоящей статье мы остановимся только на одной, самой важной теоретической особенности, касающейся философии Витгенштейна, — соотношении его «ранней» и «поздней» философии.

Как уже было сказано выше, «Логико-философский» трактат — единственное опубликованное при жизни философское произведение мыслителя. «Ранний Витгенштейн» — это, прежде всего, автор «Трактата», равно как более ранних произведений, изданных посмертно.

Как считает Витгенштейн, главной задачей «Трактата» является ответить на вопрос: Что может быть высказано ясно и отчетливо? Из этого вытекает следующая логическая задача: создать идеальный логический язык, основанный на принципах «точного символизма».

Для идеального языка «Трактата» требуются следующие условия.

1. В нем существует одно имя для каждого атомарного факта, и не может быть одного имени для двух атомарных фактов.

2. Имя — простой символ, т. е. никакая часть имени не является символом.

3. «Предложения могут быть описаны, но не *названы*»⁴, т. е. смысл предложения не может заключаться *только* в самом предложении. Вопреки идеалистам, содержание языка определяется содержанием мира; поэтому «назвать» (т. е. формально

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. 3.144. Здесь и во всех последующих текстах Антологии соблюдается мировая практика цитирования Витгенштейна: в сочинениях, имеющих пронумерованные афоризмы, дается ссылка на издание и номер афоризма (а не номер страницы).

определить понятие) недостаточно. Нельзя *понять* предложение без знания того, что оно обозначает, когда оно истинно.

4. «Язык не может изображать то, что само отражается в языке»⁵, поэтому построение «чистого» языка невозможно. Логический язык только по видимости самодостаточен, на самом деле он базируется на языке «фактов», будучи «логическим образом действительности».

5. Язык должен быть однозначным во всех своих частях, а это возможно только при соблюдении *правил*. Логика устанавливает правила употребления языка, понятные каждому субъекту.

6. Идеальный язык логики может описывать все частные языки, но ни один из частных языков не обладает той степенью всеобщности, которой обладает логический язык.

7. Все, что человек может знать, может быть высказано в языке.

Витгенштейн ставит трансцендентальный вопрос Канта под новым углом зрения. Вместо кантовского вопроса: Что может быть *познано*? Витгенштейн ставит вопрос: Что может быть *высказано*? Относительно того, о чем нельзя высказать (Витгенштейн называет это «мистическим»), следует руководствоваться следующим положением: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»⁶.

Приведем комментарий к этому знаменитому положению:

1. «О чем невозможно говорить». Имеется в виду нечто, что не может быть предметом языка. Говорить можно только о фактах. Следовательно, то, о чем невозможно говорить, находится за пределами сферы фактов, т. е. реальности.

2. «Следует молчать». Мы обладаем «немотой» и неспособностью высказать о «мистическом» ничего, кроме *не* имеющего отношения к мистическому.

3. То, что находится за пределами реальности, т. е. мира фактов, *не может быть предметом языка и логического анализа*.

О соотношении взглядов «раннего» и «позднего» Витгенштейна написано много. В ходе тщательного, почти детективного расследования одни критики приходят к мнению, что «поздний» Витгенштейн полностью порвал с «ранней» философией «Логико-философского трактата»; другие, наоборот, считают, что Витгенштейн — один и тот же философ, сменивший две концепции. Отметим, что мы считаем справедливой вторую точку зрения. Витгенштейна всегда волновали логические проблемы, связанные с языком; только если «ранний» Витгенштейн зани-

⁵ Там же. 4.121.

⁶ Там же. 7.

мался *логическим* языком, то в «поздней» философии предметом стал *обыденный* язык.

Не приходится говорить о каком-то хронологически определенном отрезке интеллектуальной биографии Витгенштейна, на котором четко вырисовывается переход на позиции философии обыденного языка. Принято считать, что этот процесс протекал в 1920-е гг. и практически завершился к 1930 г. Ясно только то, что в сознании Витгенштейна уже в самом «Трактате» скрыт момент перехода на позиции иной философии языка, которая будет уже не преследовать исключительно логические цели. Сам предмет логики, по Витгенштейну, требует пересмотра.

«Лингвистический поворот», начатый Витгенштейном, был идейно подготовлен в трудах его учителя, коллеги и друга Дж. Мура, который брал в качестве примеров для эпистемологического анализа ситуации обыденного опыта и положения обыденного языка. Однако Мур никогда и нигде не полагал, что обыденный язык обладает особой сущностью и глубоким скрытым смыслом. Для него повседневные ситуации опыта и наименования служили только аргументами в пользу точки зрения *здравого смысла*, в основе которой лежит убеждение в реализме и возможности однозначного наименования факта. Собственно, идеи Мура конгениальны тем эпистемологическим идеям, которые «Витгенштейн» высказал в своем «Трактате».

Работа «О достоверности» начинается со следующего положения: «Если ты знаешь, что вот это рука, то это потянет за собой и все прочее»⁷. Витгенштейн пытается доказать, что вера Мура, когда он показывал на лекции свою левую руку и говорил: «Вот незыблемое доказательство существования предметов вне нашего сознания»⁸, — не просто вера и непосредственное убеждение. Опираясь с этой проблемой, Витгенштейн не ставит под сомнение существование левой руки вне сознания; он пытается установить процедуру приписывания предиката «достоверное» этому положению.

В качестве примера разногласий Мура и Витгенштейна приведем различные понимания философами значения слова «дерево»:

1. *Мур*: Я вижу объект, который совершенно точно существует. На моем языке я могу назвать его «дерево». Его можно было бы назвать и по-другому. От этого ведь дерево не перестало быть тем же самым деревом. Поэтому, слово, с его образными и не-

⁷ Витгенштейн Л. О достоверности. 1 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994.

⁸ В англоязычной литературе широко известно как “Left hand proof”.

точными значениями философ использует как понятие, наделяя его одним значением по принципу точности описания объекта.

2. *Витгенштейн*: Прежде всего, я вижу дерево, которое воспринимается мною, как нечто, которое я научился называть словом «дерево». Если я скажу про дерево «Это коза», меня не поймут. Причина тут не в том, что объект под названием «дерево» не похож на объект под названием «коза». Дело в том, что значение слова «дерево» зафиксировано так, что неприложимо к козам. При этом, разумеется, вовсе не обязательно существование самого дерева.

В споре о дереве Мур и Витгенштейн говорят на разных языках, поскольку не питающий лингвистических иллюзий реалист Мур видит в языке только подсобное средство познания, вторичное по отношению к самому познанию. Витгенштейн же, допуская экзистенциальную трактовку языка, видит в «дереве» некий не элиминируемый символ, разрушение которого повлечет за собой разрушение самобытности этого языка. Корень дружбы-вражды Мура и Витгенштейна заключается, на наш взгляд, в признании Витгенштейном идеалистического (антиреалистического) положения о тождестве знания и уверенности.

Если коснуться знаменитого примера с «*уткозайцем*»⁹, то Мур, в отличие от Витгенштейна, будет видеть прежде всего криволинейную фигуру неправильных очертаний, которая остается всегда одной и той же, независимо от того, как она будет наименована. Для Витгенштейна же очень важно, какое «правило» рассмотрения фигуры мы пример в качестве «определяющего».

Понятие «правило» — одно из ключевых в философии «позднего» Витгенштейна. Обсуждение проблемы правил употребления языка породило в 1970-е гг. широкую дискуссию в витгенштейноведении относительно «скептицизма относительно правила»¹⁰. Возникли две «партии» — группа сторонников С. Крипке и группа сторонников Г. Бейкера и П. М. С. Хакера.

⁹ «Фигура-перевертыш», представляющая собой лапидарно нарисованную голову утки, которая, если ее повернуть на 90°, представляет собой голову зайца.

¹⁰ В основе споров лежит истолкование положения Витгенштейна: «Наш парадокс был таким: ни один образ действий не мог бы определяться каким-то правилом, поскольку любой образ действий можно привести в соответствие с этим правилом. Ответом служило: если все можно привести в соответствие с данным правилом, то все может быть приведено и в противоречие с этим правилом» (*Витгенштейн Л. Философские исследования. 201 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994*).

В своей поздней философии Витгенштейн приходит к принципиально иному пониманию *значения*, нежели в ранний период творчества. Значение слова есть способ его *употребления* в языке. Сами же языки трактуются как «языковые игры», представляющие собой «формы жизни», а не теоретические представления.

Витгенштейн в своей поздней философии также существенно отходит от ранней реалистической эпистемологии, переходя на позиции антиреализма и лингвистического идеализма. Правда, следует оговориться, что подобные определения — это уже рецепции витгенштейнианцев; сам Витгенштейн был уверен, что он остается, прежде всего, строгим логиком и сторонником реализма.

Полагаем, исходя из этого краткого очерка, понятна суть некоторых различий между «ранним» и «поздним» Витгенштейном.

* * *

12 сентября 1935 г. Витгенштейн сошел с парохода в ленинградском порту¹¹. Как житель и уроженец Петербурга, автор этих строк может уверить, что середина сентября — очень красивое время года, когда еще тепло, часто солнечно, но уже по утрам и вечерам от рек и каналов тянет холодком надвигающейся осени. Люди не хотят расставаться с уходящим летом, а сады еще темно-зеленые — совсем, как у Пушкина; почти без желтизны. Мы не знаем, как Витгенштейн воспринял облик бывшей столицы Российской империи. Образ Петербурга для Витгенштейна сформировался заочно, через произведения литературы (прежде всего, Достоевского). За недолгие дни пребывания в Ленинграде Витгенштейн посетил Институт севера, а также пообщался с профессором философии Т. Горнштейн. В своей книге «Ленин в борьбе с махизмом» (1935) Горнштейн относит Витгенштейна (наряду с Карнапом, Рейхенбахом и Шликом) к представителям махизма, упрекает в солипсизме и мистике. Тем не менее, «сталинские» воззрения Горнштейн не помешали установлению теплых и дружественных личных отношений с философом.

В Антологии помещены тексты и исследования авторов, которые посвящены визиту Витгенштейна в Россию (Б. В. Бирюков, Л. Г. Бирюкова, Т. Ф. Федяева, В. В. Васильев, В. В. Бибахин, В. П. Руднев). В настоящий момент довольно много известно о пребывании Витгенштейна в Москве. Он общался преимущественно с математиками; особо тесные и теплые отношения сложились с Софьей Яновской. Существует легенда: Когда

¹¹ Даты всего визита в Россию: 12–24 сентября 1935 г.

Витгенштейн пришел на философский факультет Московского университета и представился, Яновская воскликнула: «Нет, не может быть, неужели тот самый великий Витгенштейн?!».

В 1934 г. Витгенштейн долго готовился к визиту в СССР. Политически Витгенштейн был настроен левым образом, сочувствовал большевизму, одобрительно отзывался о Ленине, ценил фигуру И. Сталина. Впрочем, политические представления Витгенштейна, равно как представления о СССР, были довольно запутанными.

Планируя визит в СССР, Витгенштейн вовсе не ставил перед собой только ознакомительные цели. Его охватило желание переселиться в нашу страну, найти в ней работу и новую родину. Витгенштейн основательно изучил русский язык, читая произведения Толстого и Достоевского в оригинале. В русском языке Витгенштейна особенно заинтересовало отсутствие обязательного для западноевропейских языков глагола-связки «есть». По этому поводу он пишет: «В русском языке вместо “Камень есть красный” говорится “Камень красный”; ощущают ли говорящие на этом языке отсутствие глагола-связки “есть” или же *мысленно* добавляют ее к смыслу предложения?»¹². Витгенштейн отмечает: носители русского языка по-иному «прикладывают» предикат «красный», нежели носители немецкого и английского языка. «Красный» для русского — это не сущностное определение, а скорее некое окрашенное цветом пространство, в которое попадает вещь, приобретая его свойства. Во многих отношениях русский язык для позднего Витгенштейна был примером «иного» словоупотребления, иного синтаксического и грамматического строя.

В настоящий момент биографы Витгенштейна склоняются к тому, что у Витгенштейна не было не только приглашения на работу, но даже и четких представлений о том, чем он сможет заняться в СССР. Сам Витгенштейн высказывал желание отправиться в научно-исследовательскую экспедицию на Север. Однако он подразумевал и возможность устроиться преподавателем математики в один из советских университетов.

Витгенштейн крайне мало рассказывал о своих впечатлениях от визита в СССР. По некоторым сведениям, Витгенштейн испытал разочарование, столкнувшись с советской действительностью. Его оттолкнули тоталитаризм, воинствующий атеизм и холодность официальных лиц.

Как человек, не лишенный архитектурного таланта, Витгенштейн высказал свои взгляды на архитектуру новой Москвы.

¹² *Витгенштейн Л.* Философские исследования. 20 // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994.

Пристрастия Витгенштейна лежали в области конструктивизма; поэтому он очень высоко оценил архитектуру Мавзолея Ленина. Витгенштейн считал, что архитектура должна преследовать чисто утилитарные цели; всякие излишества он решительно отвергал. Посетив в Москве архитектурную выставку, Витгенштейн остался крайне недовольным увиденным. В середине 1930-х гг. на смену конструктивизму пришла новая модификация неоклассического стиля (получившая впоследствии название «сталинский ампир»). Витгенштейн считал это направление «неправильным и ложным». Тем самым, мы видим, что архитектурные представления Витгенштейна созвучны его логическим идеям: архитектура должна быть функциональна; она должна оперировать строгим, лаконичным языком, не прибегая в своем «самовыражении» ни к чему лишнему. Взгляды Витгенштейна на архитектуру формировались в 1910-е гг., в период появления строгого функционального модерна, или «протоконструктивизма», — с большими гладкими плоскостями стен, крупными окнами, переходом на язык формы и объема, сопровождающимся отказом или минимализмом в отношении декоративных средств.

Визит Витгенштейна оказал значительное влияние на логиков и математиков СССР. Именно после знакомства с Витгенштейном С. А. Яновская начала активно заниматься математической логикой, популяризировать эту дисциплину, и, в частности, идеи Фреге, Рассела и Витгенштейна в научных кругах нашей страны. Трудно переоценить вклад Яновской в пропаганду необходимости перевести и издать «Логико-философский трактат» на русском языке.

* * *

Как сложилась судьба издания наследия Витгенштейна в нашей стране? Знакомство с «русским» Витгенштейном лучше всего начинать с небольшой книжки в невзрачном черном переплете. Это первый русский перевод «Логико-философского трактата», изданный в 1958 г. в Издательстве иностранной литературы. На титульном листе присутствует гриф «Для научных библиотек»; это значит, что книга не поступала в продажу в книжные магазины, а прямо из издательства распределялась по библиотекам страны (как правило, в специальные фонды хранения). Обычно такой гриф ставился на титулы переводных изданий «буржуазных» авторов, которых все-таки разрешили печатать в СССР, но не рекомендовали для широкого распространения и изучения. Такой гриф означал непростую судьбу изданной книги и автора этой книги, оказывающегося на «полузапрещенном» положении.

Непростая судьба была и у тех, кто готовил к печати и выпускал подобные книги. «Логико-философский трактат» вышел в свет под редакцией В. Ф. Асмуса; он же написал небольшую вступительную статью, которая считается первой отечественной статьей о творчестве Витгенштейна.

На первый взгляд, Асмус был «назначен» идеологическими структурами «партии и правительства» для того, чтобы указать «должное место» философу-идеалисту, вскрыть его заблуждения, продемонстрировать несовместимость идей Витгенштейна с положениями марксизма-ленинизма. Однако вышло совсем наоборот. Свою пятистраничную статью Асмус всецело посвятил вопросам логики, показав «неоспоримое место» Витгенштейна в истории этой науки. Лейтмотивом заметки было следующее: Витгенштейн заблуждался в вопросах философии, но он все-таки — великий логик. Это было довольно смелым выводом, что свидетельствует и об определенной независимости Асмуса как философа. Асмус — человек «старой школы», философ, не скрывавший своих кантианских взглядов, — не побоялся бросить вызов системе и два года спустя, в 1960 г., когда сказал теплые и сочувственные слова на похоронах гонимого Бориса Пастернака; за что имел серьезные неприятности (некоторые особо «идейные» коллеги подняли вопрос об осуждении философа).

Великий философ живет в своих трудах. Свет истины распространяется, несмотря ни на какие препоны. Издание «Трактата» в СССР хронологически совпало с периодом публикации в Великобритании «позднего» наследия Витгенштейна. Уже в 1960-е гг. о философии «позднего» Витгенштейна заговорили в отечественной истории зарубежной философии¹³. Особый вклад здесь внесла М. С. Козлова, которая перевела и прокомментировала первые фрагменты поздних сочинений.

Правда, об издании «поздних» сочинений Витгенштейна не приходилось вести и речи. Витгенштейн в СССР официально считался субъективным идеалистом, позитивистом, сторонником ложной и бездоказательной философии. Только в эпоху перестройки началась подготовка к публикации поздних работ Витгенштейна, и то исключительно в периодических изданиях («Философские исследования» (1985); «О достоверности» (1991)).

¹³ То есть историческое «отставание» в изучении взглядов Витгенштейна к 1960-м гг. было практически наверстано. Отметим также, что до 1990 г. вместо привычного в наши дни термина «зарубежная философия» употреблялся термин «буржуазная философия».

Лишь в новых исторических условиях в 1990-е гг. стало, наконец, возможным приступить к переводу и изданию всех трудов Витгенштейна на русском языке. Так, в 1994 г. была издана первая часть сборника «Философские работы», куда вошел «Трактат» на немецком и русском языке (с параллельным текстом), а также работы: «Философские исследования», «О достоверности» и «Культура и ценность». В 1999 г. были изданы «Голубая книга» и «Коричневая книга». В 2000–2010-е гг. были изданы лекции, дневники, заметки Витгенштейна. Только в наши дни можно сказать, что издание наследия Л. Витгенштейна на русском языке практически завершено.

По идеологическим причинам рецепция философии Витгенштейна в нашей стране была затрудненной вплоть до 1990-х гг., а до 1958 г. вообще невозможной. Надо отдать дань уважения первым отечественным исследователям философии Витгенштейна (В. Ф. Асмус, И. С. Нарский, М. С. Козлова, А. С. Богомол, В. Г. Шестаков, М. А. Кисель, В. Г. Кузнецов, А. Ф. Грязнов, А. С. Колесников и др.), которые при отсутствии переводов (кроме «Трактата») смогли донести и прокомментировать философское наследие Витгенштейна. Особо отметим А. Ф. Грязнова — автора первой отечественной монографии о Витгенштейне «Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна» (М., 1985).

* * *

Таким образом, отечественное витгенштейноведение сложилось в 1960–1980-е гг., когда в сложных идеологических условиях сформировалась московская школа изучения аналитической философии. В 1990-е гг., когда пали цензурные и идеологические запреты, началась уже новая, российская, история изучения Витгенштейна.

Значительную роль в понимании наследия Витгенштейна играют труды западных философов, которые постепенно переводятся на русский язык. Переводы западных трудов служат катализаторами отечественных дискуссий о Витгенштейне. Следует упомянуть переводы следующих трудов: Г. фон Вригт «Логико-философские исследования. Избранные труды» (М., 1986); антология переводов «Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель» (М., 1993); Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. «Скептицизм, правила и язык» (М., 2008); Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» (М., 2010); Хинтиikka Я. «О Витгенштейне» (М., 2015); Кантерян Э. «Людвиг Витгенштейн» (М., 2016); Харт Г. «Философия и язык права» (М., 2017).

В 1990–2000-е гг. пишется целый ряд отечественных монографий о Витгенштейне: Сокулер Э. А. Людвиг Витгенштейн и его

место в философии XX в. (М., 1994); *Медведев Н. В.* Философия как деятельность: идеи Людвиг Витгенштейна (Тамбов, 1999); *Печерская Н. В.* Справедливость в контексте поздней философии Л. Витгенштейна (СПб., 2000); *Суровцев В. А.* Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна (Томск, 2001); *Руднев В. П.* Божественный Людвиг (М., 2002); *Бибихин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта (М., 2005); *Беляев Е. И.* Людвиг Витгенштейн: обновление философии (Саратов, 2007); *Федяева Т. А.* Витгенштейн и Россия. (СПб., 2009) и др.

Наряду с монографиями о Витгенштейне следует отметить авторов, которые написали о Витгенштейне очерки (главы) в рамках более общих монографий, посвященных аналитической философии и современной англо-американской философии: М. С. Козлова, А. С. Богомоллов, А. С. Колесников, Б. В. Марков, Я. Я. Вейш, С. В. Никоненко, М. Е. Соболева, В. М. Розин, А. Б. Дидикин и др. Труды перечисленных авторов ценны именно обобщающим, «панорамным» взглядом на витгенштейновскую философию в целом, когда его философия помещается в более широкий контекст дискуссий аналитической философии.

Наряду с монографиями, следует отметить значимость статей. Прежде всего, упомянем исторически важный сборник «Философские идеи Людвиг Витгенштейна» (М., 1996; под ред. М. С. Козловой), в котором присутствуют статьи М. С. Козловой, А. Ф. Грязнова, Л. А. Микешинной, И. Ф. Михайлова, Е. Д. Смирновой, З. А. Сокулер и др. Два года спустя вышел в свет номер журнала «Вопросы философии» (1998. № 5), большую часть которого занимает раздел «Витгенштейн в контексте культуры XX века». В этом номере представлены статьи В. А. Лекторского, М. С. Козловой, А. Ф. Грязнова, В. П. Руднева, Е. Д. Смирновой, З. А. Сокулер, Т. А. Федяевой, В. А. Успенского и др. Столь представительные издания окончательно закрепили роль Л. Витгенштейна как крупнейшего классика современной философии, открыли пути к новым исследованиям и материалам.

Не менее важны и труды авторов, которые лишь затронули идеи Витгенштейна, но при этом поместили их в контекст фундаментальных философских проблем. Исследования некоторых аспектов творчества Витгенштейна присутствуют в работах И. С. Нарского, В. С. Швырева, А. Ф. Бегиашвили, М. А. Кисселя, Н. С. Юлиной, Н. С. Автономовой, Э. Ф. Караваева, В. М. Розина, Е. И. Чубуковой, В. А. Ладова, С. Н. Касаткина и др.

В последнюю группу исследований Витгенштейна следует выделить статьи. Формат статьи, на наш взгляд, особо важен тем, что позволяет рассмотреть какой-то отдельный аспект биографии,

сочинений и идей Витгенштейна в углубленном ключе. Поэтому следует отметить статьи следующих авторов (кроме тех, кто уже упоминался выше): В. П. Шестаков, В. Г. Кузнецов, Н. А. Циркун, Е. Е. Медведева, Б. В. Бирюков, Л. Г. Бирюкова, В. В. Васильев, Т. С. Левина, А. А. Аксенова, Р. В. Светлов, А. Е. Сериков, А. И. Бродский, Е. Г. Драгалина-Черная, В. В. Целищев, С. В. Данько, О. А. Назарова, С. Л. Катречко, С. М. Бардина, Е. В. Сусллова, Н. П. Гринцер и др.

В заключение этой части отметим тот отрадный и позитивный факт, что идеи Витгенштейна привлекают молодых российских ученых, которым еще предстоит заявить о себе в диссертациях и монографиях. Здесь мы отметим работы Т. В. Левиной, Т. А. Орловой, А. А. Аксеновой, С. М. Бардиной, М. Д. Мирошниченко и др. Характерно, что молодые ученые пишут свои работы, ориентируясь уже не только на российскую, но и на общемировую практику написания научных работ.

Можно с уверенностью предположить, что в 2000-е гг. складывается новая российская традиция в витгенштейноведении, когда авторы трудов являются уже не только историками философии, но и убежденными последователями идей аналитической философии. В Москве, С-Петербурге, Томске, Новосибирске, Саратове и др. городах складываются центры изучения аналитической философии и творчества Витгенштейна. По аналитической философии и творчеству Витгенштейна (преимущественно в Москве, С-Петербурге и Томске) проводятся чтения, конференции и круглые столы¹⁴. Поэтому процесс комментирования и изучения творчества Витгенштейна в России в наши дни продолжается.

* * *

Обратимся к строению и разделам настоящей Антологии. Ее главная цель — охватить все главные аспекты изучения жизни и творчества Витгенштейна в отечественной философии. В Антологии представлены труды, охватывающие все исторические периоды изучения творчества Витгенштейна в нашей стране: от вступительной статьи В. Ф. Асмуса к «Логико-философскому трактату» (1958) вплоть до наших дней. Подавляющее большинство текстов — это либо фрагменты монографий (сборников), либо статьи в крупнейших рецензируемых периодических изданиях.

¹⁴ Например: Аналитическая философия: Проблемы и перспективы развития в России (СПб., 29–32.05.2012); Дни Витгенштейна в Институте философии РАН (24–26.01.2017); Актуальные проблемы аналитической философии (Томск, 26–27.05.2017) и др.

Антология делится на пять разделов.

В Разделе I помещены тексты, в которых затронуты биографические аспекты жизни и деятельности Витгенштейна, связанные с нашей страной, а также исследования аспектов философии Витгенштейна в соотношении с идеями русских мыслителей (Л. Толстой, П. Флоренский и др.).

В Разделе II представлены крупнейшие обобщающие работы, посвященные философии Витгенштейна в целом. Особо следует отметить, что в состав раздела вошли фрагменты всех крупнейших и наиболее значимых монографий, посвященных Л. Витгенштейну и аналитической философии.

В Разделе III представлены самые известные исследования, посвященные логике и математике Витгенштейна. Предметом текстов выступают рассмотрения положений «Логико-философского трактата», «Заметок по основаниям математики» и других сочинений.

В Разделе IV представлены тексты, в которых рассматривается эпистемология, метафизика и философия языка Витгенштейна. В этом разделе главным предметом выступает категория «язык»; преимущественно в поздней философии Витгенштейна.

В Разделе V собраны тексты, посвященные сфере «практической» философии Витгенштейна: этике, эстетике, философии религии, политики, права. Особое достоинство этого раздела в том, что в нем представлены порой единичные в отечественной науке исследования по проблемам морали, религии, мистического опыта, эстетики, музыки, социологии, права и других еще недостаточно хорошо изученных сторон наследия Витгенштейна.

Автором-составителем и редактором проделана значительная техническая работа по приведению всех текстов к единому оформлению, которое сделано максимально удобным. Особенно это касается сносок. Сноски располагаются внизу страницы (в примечания вынесены только объемные сноски), что делает максимально удобным чтение текстов. Также до минимума сведены сноски, которые не являются важнейшими комментариями или ссылками на цитаты.

Одним из главных смыслов Антологии, с нашей точки зрения, является то, что под одной обложкой собрано большое количество текстов, многие из которых «разбросаны» по периодическим изданиям или представляют собой библиографические редкости. Настоящее издание открывает новые перспективы для популяризации и изучения философии Витгенштейна в нашей стране.

Автор-составитель выражает благодарность всем авторам (их правообладателям), давшим согласие на перепечатку своих

текстов в Антологии. Ни один из ученых, к которым обратился автор-составитель с просьбой о перепечатке материалов, не ответил отказом.

Витгенштейн в нашей стране известен более восьмидесяти лет. Возвращаясь к теме Антологии, можно смело допустить, что «Витгенштейн в России» — это состоявшееся теоретическое событие. Но существует ли «русский Витгенштейн»? Вне всякого сомнения, существует. Большинство исследований, представленных в Антологии, написаны с позиций отечественных философских школ. По своему теоретическому уровню тексты не уступают западным сочинениям о Витгенштейне, а порой дополняют их.

Кто такой «русский Витгенштейн»? Это во многом загадка; но, надеемся, наиболее полный ответ на этот вопрос дает настоящая Антология.

